

Op. 84
D-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

Portrait

0P84
D 15

0P84,5
811/2/00-14/1-4

Даль

Владимир Иванович

Оренбургский край
в художественных
произведениях
писателя

05 а-273696
16 17

Оренбургское книжное издательство
2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Handwritten initials

БАШКИРСКАЯ РУСАЛКА

В горной области Урала живет полукочевой народ. Он просил у царя Иоанна Грозного защиты и подданства: с востока сибирские князья, а с юга монгольские, татарские орды утомили зажиточных скотоводцев непрерывными набегами. На север, однако же, и северо-восток сами они делали набеги и уводили себе оттуда, от племен чудских, жен. Откуда народ этот взялся — неизвестно; вера его ныне мусульманская; язык наречия турецкого или татарского, произношение более гортанное, монгольское; лица у мужчин — что-то среднее между лицом казанского татарина и заяицкого кайсака; у женщин — между кайсачкою и самоедкою; словом, здесь, кажется, видна смесь племен: татарского, монгольского и чудского. Народ этот называет сам себя: башкурт; ученые наши тешились над этим словом, ломали и переводили его всячески: главный волк или вор*, главный пчеловод, отдельное племя или владение и проч.

* Люблю я этих переводчиков, которые все знают и все толкуют: на здешнем наречии курд или курт никогда не означало вора. Тут нельзя не вспомнить длинного рассуждения, в котором один ученый наш старался доказать, что арал никак не может означать островитого моря или моря острова, потому что остров по-турецки ада, а не арал. Очень похвально знать по-турецки, но не похвально спорить, если не знаешь вовсе того языка или наречия, к коему спорное слово относится. Кайсаки, хивинцы и туркмены вовсе не знают слова ада в значе-

Сами башкиры говорят, что они происходят от ногаев или ногайцев, отделившись от них по усобицам. Иные помнят, по преданию, какое-то родство с бурятами; в сказках и песнях их поминают родоначальником дивного Чингис-Хана, коего предок рожден девственницею от наития солнечного луча, а сам он, Чингис, вдовою Алан-гу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривой.

Народ башкурт разделился с незапамятных времен на племена, или, как их называют у нас, на волости; у каждой волости свой уран, отклик, своя тамга, рукоприкладный знак, свое дерево и своя птица, розданные, как верит народ, самим Чингис-Ханом. Ученые бытописатели наши ищут в башкирах предков маджаров, нынешних венгров; теперь же народ башкурт, составляя общее с мещеряками казачье войско, почти в 200 000 человек, расселился от Уральского хребта до Яика, Большого Ика, Белой и Камы, местами еще кочует летом и живет скотоводством, промышляет и звериною ловлей, пьет кумыс и ест крут; местами же поселился уже оседлыми деревнями, разводит пчел, сеет хлеб, и одеждою и обычаями своими все более и более сливается с соседними татарами.

Но у кочевых башкиров осталось еще много своих поверий и преданий: есть злой дух, дью-пари (див и пери), принимающий образ человека, кошки, собаки и особенно барса и тигра; иногда у него грива бывает золотая: знаменитейшие батыры башкирские прославились битвами с этим чудовищем, которое, нападая и защищаясь и особенно похищая девок, перекидывается и принимает разные образы; если же дью-пари является в образе человека, батыра, то может быть ранен, как Ахилл, только в пятку. Леса, дебри, горы, воды и пещеры населены леши-нии острова; собственно, остров у них утрай, а берег, материк, суша, остров, словом — земля, в противоположность воды, действительно называется арал. Поэтому арал-дингизы, или арал-дингиз, как утверждает строгий наш законник, тем более, что последнее толкование, по свойству не турецкого, а здешнего, татарского языка, нельзя допустить вовсе. (Здесь и далее прим. автора).

ми, водяными русалками, известными вообще под именем джин, дух; каждою горою, каждым озером обладает такой джин, добрый и злой; — но все это рассказывает вам башкир стихами или напевает, вторя чибызге или кураю, в прошлом времени; ныне бесплотных жильцов и жилищ этих осталось не много, золотой век, как всюду, так и здесь, прошел, промчался, остались одни воспоминания!

Одна из знаменитых пещер в Башкирии это Бельская или Шульпогань-таши. Ее смотрели и описывали Рычков и Лепехин. Она лежит на правом берегу Ак-Идыля, реки Белой, в 12—15 верстах от Вознесенского завода, на бывшей ногайской дороге, в земле Бурзянской волости. Но Рычков, без сомнения, очень ошибался, когда полагал, что вертеп — это дело рук человеческих. Гора возвышается сажен на 80; пещера идет снизу вверх, длиною сажен в полтораста или более: она вся еще не исследована и состоит из множества отдельных больших и малых пещер, связанных переходами, оконцами и трещинами. Подземные палаты эти шириною от двух, трех и до 12 вышиною, местами также до 12-ти сажен, между тем, как тут и там надо пробираться ползком. Известковые капельники образуют на полу и на сводах дивные изваяния, подающие башкирам повод к новым басням. Тут есть ключи, озера, пропасти, подземные горы, огромные самородные своды, ступенчатые лестницы, погребальный одр из капельника, и вокруг шесть огромных шандалов со свечами, из той же известковой накипи. В стенах и сводах есть отверстия, ведущие в верхние и боковые ярусы пещеры. В подземелье этом обитало когда-то особое племя людей, о котором рассказывают много дивного. Там же нередко укрывались разные джины, дивы и дыю-пари. Во время смут и возмущений башкиры спасались в подземелье этом с семействами и имуществом. Старики рассказывают о каменной, здесь находящейся, собаке: это див, окаменевший в принятом им образе. Замечательно, что каменная собака эта боится плети, что дождевые облака ей подвластны, и собака не может снести ста ударов плетью; она издает глухой вой, и обильный дождь окропляет окрестность.

Верстах в трех есть небольшое озеро. Елкикичкан, конский выход или выгон. Озеро это прибывает и убывает непостоянно. Оно было в старину жильем и царством могучего падишаха водяных; он-то наградил смелого Кунгр-бая, башкира Бурзянской или Усергенской волости, косяком лошадей, выплывших из этого озера вслед за бесстрашным наездником, пустившимся вплавь на знаменитейшем жеребце своем через неприступную для других пучину. Верстах в десяти ниже найдете озерцо чистойшей воды, из коего вытекает речка Шуллаган и впадает в Белую. В этой речке найден хомут с лошади, украденной и утопленной преследуемым вором в нагорном озере; стало быть, говорят башкиры, озера эти сообщаются под землею.

Есть или была еще в другом месте в Башкирии пещера или, лучше сказать, провал, котловина, из которой когда-то вода подымалась по временам черным смерчем. Это было каждый раз предзнаменованием общего бедствия: вода вскоре упала опять в уровень с землею; смелые ловцы, пускаясь сюда за медведями, погружали в пучину высочайшие сосны и не доставали дна; наконец, вода исчезала, ямина просыхала, и о полуночи выбегала из нее чернобурая лиса: этот зверь, или див, приносил с собою беду, бич небесный, гибель и разносил ее по земле: мор, голод, палы, пожары, засухи, войны и усобицы — все это выносила с собою чернобурая зловеющая лиса. Смелый зверолов подстерег ее у самого выхода и пустил в нее в один миг, разобрав их по пальцам и в зубы, двенадцать стрел; за каждую стрелою оборотень перекидывался то собакой, то кошкой, то выдрой, то росомахой, а наконец барсом и юлбарсом, т. е. лютым полосатым тигром; батыр наступал все смелее да смелее, поражал его стрелами раз в раз, и, наконец, заставив отчаянного дью-пари принять последний, человеческий образ, в латах, пишак, с огромным обоюдоострым мечом, поразил его копьём в левую пятую и свалил труп, от которого пошел смрад и пар коромыслом, в жерло бездонной котловины. С тех пор в Башкирии нет и мятежей. Пещера Муйнак-таш, также на Белой, не менее славна; в ней есть огромные палаты до 20 сажен вышины и до 60 сажен дли-

ны. В пещере Тименетау слышен вечный подземный гул, как от низвергающегося водопада: это жилище дью-париев, которые день и ночь дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотами. В подошву змеиной горы, Зилан-тау, ввергается, протекши не более полуверсты, подземельная речка и пропадает; она, с незапамятных времен, пошла к шайтану в кабалу жернова ворочать.

На речке Шашняк есть скала Тауча; в отвесе скалы этой есть небольшое отверстие, но никто не знает, куда оно ведет; края его обтерты, будто какой-нибудь жилец ходит туда и оттуда, по ночам нередко виднеется огонек, и башкирцы рассказывают, между прочим, что два духа вылетели однажды из пещеры этой, ухватили башкира с сенокоса под руки, понесли его по воздуху и хотели втащить в узкое отверстие; но тот был широк в плечах, да при том стал читать молитву из корана; явился изнутри пещеры третий дух и сказал товарищам своим: «бросьте его, на что вы с поганым связались» — и башкир полетел на дно пропасти, в речку Шишняк, выплыл на берег и, отдохнув, рассказал о приключении своем.

Не совсем мало и теперь еще в Башкирии древнего оружия, особенно кольчуг, панцирей и шлемов. Они зашли сюда в незапамятные времена из Средней Азии. Кольчугу башкиры охотно надевают на алый суконный чапан, подпоясываются тисненным ремнем, на котором висит лук в кожаном раскрашенном налучнике, и такой же колчан со стрелами, и украшают шлем свой перышками или надевают широкую развалистую бурзенскую шапку с алым верхом и широкими приподнятыми полями из пушистой лисы; такой воин, на белой, плотной, малорослой лошади своей, олицетворяет перед вами средние века.

Нынешние башкирские песни состоят из отрывистых четырехстиший, в которых обыкновенно два первые стиха заключают в себе картину, басню, притчу, а два последние применение, сравнение с сущностью. Но есть несколько старинных батырских песен, есть и сказки, предания, которые так между собою перемешаны, что деписание и баснословие смотаны все-

гда на один общий клубок. Напевы тоскливы, унылы, протяжны и дики, но приятны и певучи. Курай или чибызга, дуда или сопелка, издающая приятные сурдинные звуки, держится строго, нота в ноту, голоса песенника; вторы у них нет вовсе, голоса довольно чисты и звучны, но тонки или высоки и очень не обширны. Если же песенники умолкают, то к чибызгам пристают нередко певчие особого рода; они поют, как говорится здесь, горлом. Это в самом деле вещь замечательная: набирая в легкие как можно более воздуха, певчий этот гонит усиленно, не переводя духа, воздух сквозь дыхательное горло и скважину его, или горловинку, и вы слышите чистый, ясный, звонкий свист, с трелями и перекатами, как от стеклянного колокольчика, только гораздо протяжнее. Это не иное что, как свист дыхательным горлом — явление физиологически — замечательное, тем более, что грудной голос вторит этому свисту в то же время глухим, но довольно внятным, однообразным басом. Сильная нагуга видна в это время на лице песенника: оно вздувается, краснеет, глаза наливаются кровью.

Башкир на себя работает не охотно, только по нужде; его дело разъезжать с нагайкой и сибирской винтовкой по горам, сунув за щеку, вместо жвачки, кусочек рубленого свинца, из которого зубами округляет запасную пульку; его дело пить кумыс, есть вкусную и жирную кобылятину или баранину, любоваться табунком лошадок своих; валяться, отдыхать, петь вполголоса песенку или слушать вечерком, при огне, чибызгу или рассказчика — и вспоминать прошлое, батырское время, былое и небывалое. Южные башкиры воинственны и ждут, как ворон крови, вызова охотников для поиска в степь, на заклятых врагов своих, на кайсаков; северные, частью уже перемешанные с мещеряками, к оружию не привычны.

Сядем и мы на широкую кошму, около пылающей огромной сосны, стонавшей столько раз от бурного порыва ветров и отстоявшей ныне в последний, под ударами небольшой башкирской секиры; закройте перед собою рукою яркое полымя и глядите на бездну искр, которые змейками взмывают скорее самой

мысли, реют по синему мраку туда и сюда — и гаснут; ветер уносит пепел их, развеивает дым — и вековая сосна в глазах ваших отжила, истлела, обратилась в прах и — уже не существует! И Зая-туляк был, и он разрушен стихиями, и нет уже следа плоти его и самого праха; осталось одно только славное имя его, да память по нем в сказках.

В 12-м башкирском *кантоне* есть место в 1800 квадратных верст, где нет ни одного русского, ни татарина, ни мещеряка, ни чувашина, ни мордовина, ни вотяка, ни тептерья, ни черемисина, нет вовсе этих, так называемых, припущенников и переселенцев, которые, обще с нашими заводчиками, переполосовали и испятнали уже почти всю Башкирь, тягаются лет по тридцати и более с родовыми жителями, владеющими землями на вотчинном праве, и частью уже оттягали сотни тысяч десятин богатейших в мире земель, расквитавшись с вотчинниками-башкирами или десятилетнею давностью владения, или полюбовною сделкою, тремя головами сахару, фунтом чаю и словесными обещаниями не припускать никого более на их земли; земля эта, о которой я говорю, лежит в Белебеевском уезде и принадлежит четырем родам или волостям, известным под общим названием демских башкир, по реке Деме или, вернее, Дим. Здесь есть степи, луга, речки, озера, горы и леса. Демские башкиры еще кочуют и даже держат верблюдов, старина ими еще не совсем забыта.

Тут-то, неподалеку заводов: Усть-Ивановского, в 30-ти от него верстах, и бывшего Курганского, где остались ныне только три избышки на Сырте, разделяющем долины Димы и Большого Ика, лежит озеро Ачулы, или, как башкиры, не выговаривающие буквы *ч*, его называют: Ассулы. Северные берега его возвышаются исподволь довольно ровною степью; у восточной их оконечности выступает мыс Малый Нра; западные берега состоят из возвышающихся постепенно к вершинам речки Чермасана гор; они кажут вам, с озера, хороший вид: они идут, постепенно возвышаясь, уступами; северная их половина, прилегающая к степи, гола; южная образует одеждою своею пере-

ход к соседнему Усенскому лесу. Здесь видите вы, начиная от севера, горы: Бурлытау, Бика-тюбе; Караул-тау, Кучлар-коро, Келим-бет, Угуз-куль, Тирень-куль, Таш-бурун и Карагач. Северные горы, прилегающие к степи, круты, поросли одним ковылем и выказывают расчесанные буйным ветром округлые к озеру и нагие вершины свои, словно седые, полуплешивые головы отживших старичков; Бурлы-тау упирается в озеро красною, глинистою пятою своею мысом Зурь-Нра; Тирень-куль спускается волнистыми уступами, которые близь озера, называются Искиз-Ма; наконец, Карагач, у которого за плечами огромный Усень-Ивановский лес, раскинул перед озером Ачулы волнистую, уступистую грудь свою и вынес еще на себе, по окраине каждого уступа, лесистую опушку. Карагач на северо-западе подает руку Угуз-кулу, и у них из-под мышек вытекает речка Курьятмас. С хребта Карагача видны лесистые Черманские горы, на юго-западе. На юге и на востоке озера вы опять видите одну волнистую степь, а в полуверсте от озера — уступ или увал. Юго-восточный берег-солонец, весной топкий, летом сухой. Таким образом, озеро образует продолговатую водную плоскость, длиною в 7, шириною в 5 верст, с двумя перехватами, от мысов Большого и Малого-Нра. Глубина озера до 10-ти саж. На севере, неподалеку, аул или зимовка Чапай; на юге Барангул и Курьятмас; а вокруг — кочевки аулов: Кидряч, Барангил и Мекеш. На юго-западе, в березовом и липовом лесу, Усень-Ивановский завод; на реке Усень есть и сосновый лес, единственный во всей округности.

С рассветом, в летний день, густые туманы встают с Ачулы-куля, с озера, и тянутся столбом, перегнувшись коромыслом на призыв к Усень-Ивановскому лесу, и лес походит издали на огромное дымовье, из которого синий дым тянется, перегнувшись и постепенно расстилаясь, к далекому озеру; около полудня Усенский лес убрался и управился с прическою своею, оделся облаками или тучами, но незванный гость и закоснелый враг всякой прически, горный ветер, — растрепал уже снова буйную голову Усеня, разогнал волны кудрей ее во все четыре стороны,

и тучки быстро несутся по ветру, чтобы к ночи снова пасть туманом на дремлющее озеро.

Но глубина и самые берега озера Асулы не постоянны; не потому, чтобы внешние притоки его изменяли, не потому, чтобы наносные пески, которых здесь нет, его засыпали, а просто потому, что в озере этом жила когда-то прихотливая ундины, баловливая русалочка, которая хозяйничала здесь по произволу, а теперь живет еще вечною жизнью отец ее, падишах духов водяных и подводных. Он добр, но утрюм и суров: он не играет и не шалит; но он, негодуя на злые дела, на помышления людские, и предвидя в прозрачном царстве своем всякую беду, как следствие дел и замыслов наших, вздымает подвластную ему стихию, разливает ее через край и грозит затопить окрестности; потом он стихает, щадит неразумных; озеро вступает в лоно свое и стоит спокойно в берегах, доколе новое событие не встревожит падишаха, и старик снова, в негодовании своем, потрясает косматою головою.

Озеро Асулы, или Ачулы, в переводе: открытое, отверстие, бездонное, или, может быть, вернее, сердитое—в самом деле разливается и упадает, прибывает и убывает, не постоянно, не равномерно, без всяких видимых причин. Башкиры уверены, что первое делается только перед какою-нибудь бедою. Они считают вам по пальцам не только события от 1772 года по 1860-й, от Емельки Пугачева и до мятежа в Польше, не забыв ни одной войны нашей, ни одного местного или общего для империи бедствия, но прихватят иную пору такой старины, что после того события или времени во всех уездных городах нашей губернии раз по семи уже погорели все архивы, и вам было бы негде навести справку ни о событии, ни о тогдашнем состоянии озера Ачулы, если бы исправник и доносил в то время о последнем обстоятельстве, как ныне, присовокупляя иногда, что «озеро Ачулыкуль вздувается и прибывает, по примеру прежних лет, и по-видимому божьею волей; ибо, при обследовании дела, ничего подозрительного не оказалось». У восточной оконечности озера тянется овраг, в который заливается вода, когда озеро в разливе.

На северо-западе от Ачулы, верстах в 50-ти за вершинами речек: Чермасана, Чукады или Нугуша, — лежит такое же дивное озеро Кандра, Кандра-куль. На юге от него горы с редким лесом; на западе обрывы и увал каймой; тут же мыс и островок, на котором башкиры пасут лучших коней своих, потому что они здесь в беспечности, даже и без пастуха; на севере — песчаная, кочковатая, поросшая травой покатошь и далее степной кряж уступом; тут же тянется ров или овраг, от самого озера до лощины реки Нугуша, — и вода течет во время разлива озера по этому рукаву; на востоке — мочажина, болотце и далее холмистый увал. На Кандра-куле стоят три аула или деревни, все три Кандры; озеро покрыто челноками рыболовов: замечательно, что в Кандра-куле есть сомы, а нет вовсе карасей, а в Ачулы, обратно, сомов нет, а карасей много. От Кандра-куля на юго-западе, саженьях во ста, в горах, лежит озерцо Тюменски, а из него течет речка Тимошка и впадает в Кандру. И Кандра-куль составляет еще часть владения дяди струя и прибывает и убывает постоянно, одинаково и в одно время с Ачулы-кулем. Есть предание, что в Кандра-куле потонул когда-то конный башкир; разгневавший чем-то царя влаги: долго башкир пропадал без вести, и наконец выплыл, с лошадейю своею, мертвый, в Ачулы-куле. Умные старики похоронили его в неведомом месте, чтобы незваные посетители и любители тризны и поминок не нарушали покоя, не раздражали царя-нелюдима.

Но надобно, приступая к дивному рассказу, кончить описание местности. Юго-восточный берег Асулы за грязным солонцом окаймлен степным увалом, за которым вытекает речка Ачулы-Удряк, одна из трех Удряков, составляющих главный или большой Удряк, впадающий в Диму. Южнее Ачулы-Удряка — встречаете еще увал, или небольшой гребень, за которым вытекает речка Тюлян, также один из притоков Димы. По левому берегу Тюляна тянется невысокий хребет, который верстах в десяти обращается в отдельные, волнистые, довольно высокие ступени; юго-западный скат их идет к Тюляну, северо-восточный обращает, обще с горами: Кяме-тау, Шаро-чагыл и Кара-

баш, долину, среди которой возвышается отдельно и одиноко сахарная голова в 50 сажен или более, известная под именем Балкана. На правом берегу Тюляна, у вершин его, стоят две такие же сахарные головы меньшего размера: это Шайтан-сары и Санай-сары. Здесь происходила когда-то страшная битва Санай-батыря с шайтанами: Санай-батырь, преследуемый множеством злых духов, занял, для защиты своей, вершину одной горы, а шайтаны, желая сбить его и вогнать в долину, взобрались на другую. Санай не подался ни шагу: истреляв все стрелы свои и перебив множество шайтанов, он изломал сам лук свой, закололся и лег на месте; и гора эта поныне показывается вам, как могила Санай-батыря.

Между Ачулы-кулем и Димою кочевал в древние времена хан Самар-хан, один из сыновей Чингиса. У Самар-хана был сын Зая-Туляк. Юный князь был любимцем отца и матери своей прекрасной пленницы русской, которая плакала и тосковала по милой отчизне своей, покуда не излила тоску и грусть свою в новое существо и — забылась в сыне. Зая-Туляка берегли и холили, как царского баловня и любимца; он был хорош как солнце, и не было на Диме достойной его луны. Завистливые братья Туляка, сыновья других жен Самар-хана, озлобились на баловня: «чем он лучше нас, за что его холят, как зеницу ока, не выпускают за порог кибитки ханской, между тем как нас заставляют нести службу и заботиться о суетах житейских? Разве мы не одной с ним крови?»

А Зая-Туляк думал в это время: «Зачем мне не дают воли — хочу воли, свободы, а не плена! Зачем братья мои объезжают свободно отцовские земли, из края в край, из конца в конец, дерутся с врагами и приводят ясырей, пленников и пленниц, — а я сижу, сложа руки? О, если бы мне была воля! Я бы себе отыскал и взял и привез не такую пленницу, как братья мои: я нашел бы дивную красавицу, неслыханную и невиданную!»

Самар-хан созвал приближенных своих и велел им готовиться в отъезд. «Сыну моему Зая-Туляку, — сказал он, — пора увидеть свет. Пусть он увидит его в первый раз с веселой,

радостной стороны, как должен видеть его достойный внук Чингиса; забирайте с собою лучших соколов моих, ястребов, кречетов и беркутов, бейте утицу перелетную, бейте куртлука, косача-тетерева, пускайте беркута на лису и волка, пусть потешается царский отрок, и берегите его, как заветную душу свою!»

Зая-Туляк, простившись с отцом и ханом, сел на лошадь, и пышный поезд тронулся. Вельможи раболепствовали юноше, неопытному царскому сыну, доколе еще страшились пронизательного ока Самар-хана; удалившись же от ханского кочевья, нагло смеялись простоте и неведению отрока белой кости и поднесли ему сову, которую поймали в дупле, вместо отцовского кречета. Зая-Туляк, не выдавши травли соколиной и не зная ловчих птиц, поверил им на слово, пустил птицу свою на первую встречную вереницу диких гусей, тянувшихся клином, птица взмыла выше гусей перелетных, поджала машистые плечи, ринулась клубочком в стаю, ударилась стрелою вправо, потом влево, опять вправо, промелькнула зубчатою молнией, ныряя каждый раз серому гусю под левое крыло — и семь гусей сряду полетели кубарем на землю. Стая всполошилась, перемешалась в один клубок, поднялась столбом, гуси хотели забить крыльями дерзкого неприятеля своего, но ловчая птица Зая-Туляка камешком упала на хозяина своего и сидела уже у него на правой руке. Оказалось, что это была не сова, а дорогой белый кречет, и бил лучше всех соколов царских.

Злобные и завистные братья Зая-Туляка, отпуская придворных отцовских, сказали им притчу: «Тесно трем отросткам расти на одном корне и мало им пищи: если бы подчистить и выкинуть один, который ближе других к дуплисту дубу, так двум остальным было бы попривольнее; перевели бы они дух и распустили бы широкие ветви, под которыми нашли бы со временем тень и нынешние их покровители». Придворные и сам Куш-беги, первый сокольник — а Куш-беги, как и ныне, например, в Бухаре, был первый сановник государства — придворные промолчали; но когда заехали они с Шах-Заде, с сыном ханским, в далекую сторону, и когда неудачная насмешка

над Зая-Туляком поставила их самих в дураки, между тем как у Туляка оказался первый по царству кречет, который побивал разом по семи гусей, — тогда взяла людей этих злость и зависть; они вспомнили слова и обещание двух князей, братьев Зая-Туляка, и стали совет советовать, как извести поверенного им наследника.

Зая-Туляк вышел в светлую лунную ночь из парчевого шатра своего, сел наземь и любовался божьим миром, между тем как юлдаши его, спутники, думали, что он давно спит; он услышал нечестивый совет вельмож и решил бежать. Подкравшись потихоньку к оседланному коню своему, снял он с него треногу, потрепал его, сел и поскакал. Но в стане сделалась тревога, закричали: «Атлемь! на-конь!» погнались за князем и стали его настигать. Под ним была лошадь Тульфара, она сказала хозяйну своему: «Ударь меня нагайкою трижды, и я тебя вынесу». Он ударил жеребца своего, и этот в три скачка принес его на гору Карагач, к озеру Ачулы. Погоня потеряла Зая-Туляка, а он спокойно лег отдыхать, пустив Тульфура своего на траву. Конь его проскакал по степи в таких широких скачках, что пустившиеся за Туляком не могли выследить его по измятой копытами траве: следы были затеряны.

Раскинувшись на одном из уступов Карагача, на котором, как показывает и само название, в те поры рос лиственный лес, Зая-Туляк закрыл очи, стал думать о том, куда ему теперь деваться, как вдруг услышал на берегу озера плеск. Зая-Туляк стал присматриваться, легонько подходить, и его тянуло все ближе и ближе к озеру. Он увидел, чего еще никогда не видал: заря занималась, восток алел, утренние туманы развивались на поверхности Ачулы-куля — и среди туманов этих, как окутанная полупрозрачными тканями, плескалась дева вод, статная, гибкая, красоты непомерной, во всей прелести девственной полноты и миловидности. Она, не примечая Зая-Туляка, вышла на берег, села и стала расчесывать золотым гребнем черную косу свою, длиною в сорок маховых сажен. Зая-Туляк не смел дохнуть; наконец, когда она закинула косу свою назад, во всю длину, он кинулся со всех ног — русалка прыгну-

ла, как пух от ветра, на зыбкую влагу; но Зая-Туляк держал уже в руках своих шелковую косу и не выпускал дорогую свою пленницу. Русалка, скрестив руки на груди, оборотила к нему умоляющие взоры — но они изменили девственной жилище подводных чертогов: Зая-Туляк впился жадным оком в полуобращенное личико и держался за шелковую косу русалки, как юная угасающая жизнь хватается за преждевременно отлетающую душу. Русалка стала умолять Зая-Туляка: «Пусти меня, о, сын плоти! пусти; я живу спокойно и безмятежно в чертогах водных; пусти, ради себя самого; ты погубишь меня, но ты погубишь и себя!» Когда же Зая-Туляк не уступал и самым убедительным мольбам ее, а клялся следовать за нею и на дно озера, тогда русалочка обвила его своею мягкою косою и увлекла в глубокие воды.

Зая-Туляк увидел на дне озера роскошные луга, по которым ходили кони, быстрее и красивее коня Тульфара; посреди муравчатого луга стояла обширная белокаменная кибитка, устланная внутри дорогими коврами. Туда привела его русалка, обняла, заплакала и сказала: «Ты хотел этого — я твоя теперь; забудь прошлое, если можешь; не гляди на вольный свет, покуда меня любишь; сиди здесь, не выходи из кибитки моей — я теперь твоя!»

Вскоре приехал к кибитке алый всадник в алом чапане, на алом коне, с алым соколом на луке сёдла: это был брат русалки. Она спрятала Зая-Туляка в свою девичью половину кибитки, за парчевый полог. Алый брат оглянулся в кибитке и сказал: «Сестра, здесь что-то пахнет человеческим духом. — Не мудрено, — отвечала улыбаясь русалка: — сами вы ездите на охоту по горам и дебрям; сам ты приехал теперь с лица земли, где живут люди, не мудрено тебе занести сюда и человеческий дух».

Немного погодя, приехал черный всадник: конь под ним вороной, чапан черный, шапка черная, оружие черное и черный сокол на передней луке. Это был отец русалки. «Никак, дочь, здесь пахнет человеческим духом, — сказал он. — Не мудрено, батюшка, — отвечала дочь: — только мне бы вас об этом опра-

шивать, а не вам меня. Вы приехали с лица земли; видно, вы или вороной конь ваш на копытах своих занесли сюда и дух человеческий».

Так русалочка таила от отца и брата любовь свою и выпускала Зая-Туляка из-за полога, только когда те отъезжали на ловлю. Она приносила любимцу своему, каждое утро и каждый вечер свежего кумысу, круту, салмы и баранины и, поцеловав своего суженого, ставила перед ним сытные яства и напитки.

Однажды алый всадник, брат русалки, воротился домой рано и услышал, подъезжая, говор людской. Он стал допытываться, сестра ему во всем призналась и со слезами умоляла брата не сказывать о преступной любви ее. Брат побранил сестру и сказал, что надобно обо всем объявить отцу: его власть, его и воля. Черный всадник приехал, и брат с сестрою вместе встретили его и рассказали все. Русалка говорила: «Я не искала его, я не хотела его, я бежала от него и скрылась в заветное озеро; но он упорно держался за шелковую мою косу; я ушла на дно озера и потянула его с собою».

Черный всадник нахмурил брови — и весть разнеслась на ханском кочевье, на Диме, что Ачулы-куль прибывает, и быть беде. Подумав и вздохнув, *падишах* подводный вызвал Зая-Туляка, сам же он не ступал ногою в заветный угол дочери, за полог; вызвал и расспросил обо всем. «Любитесь, — сказал владыка Ачулы и Кандра-куля, — любитесь, коли слюбились; тут делать уже нечего. Тебя, дочь моя, бранить не за что: это твоя судьба. А ты, Зая-Туляк, слушай: не бесчести дочери моей за то, что отдал я тебе ее без калыма, принеси ты в калым невесте свою любовь да совет и не скучай с нею; а соскучишься — быть беде. Не ходи ты и на лицо земли: и там не будет вам блага, а пойдешь, погубишь и себя и ее».

Но Зая-Туляк, с этой самой поры, стал скучать в подводном тереме, в кибитке своего тестя. Русалка в одно утро ушла за кумысом шипучим, а Зая-Туляк вышел из кибитки и стал оглядываться кругом. Озеро поднялось высоко, обмывало уже ус-

тупы Карагача, а сквозь зеленую влагу его виднелись горы и леса, и верный конь Тульфар стоял на том же месте, громко ржал и топтал под собою землю. Туляку взгрустнулось; он вошел опять в кибитку, но русалка, воротившись, глянула на него и залилась слезами. «Ты выходил, — сказала она, — ты выходил — о, зачем ты меня ослушался!»

— Я хочу опять на вольный свет, — сказал, подумав, Зая-Туляк: — сердце иссохнет, коли сидеть век свой в тюрьме этой. — Русалка молчала и плакала потихоньку, про себя. Воротился и черный всадник. Услышав обо всем, что было, он призадумался и спросил Зая-Туляка: «Есть ли у тебя земля и вода?» — Земля моя Балкан-тау, — отвечал князь, — а вода Дима, а все земли и воды, подвластные Балкану и Диме, мое наследие. — «Ступай, — сказал старик, — коли тебе здесь не живется; ты не сосунок, тебя силою держать нельзя. Жена следует за мужем, а не муж за женою, это закон». — Русалка обвила мягкие руки свои вокруг Зая-Туляка и сказала: «Бери меня, вези меня, куда хочешь — я твоя». В первый и в последний раз, сказывают, прослезился тут и сам старик.

«Вот вам конь верный, — сказал он, — садитесь и ступайте. Зая-Туляк! Не забывай, если можешь, что ты отныне сам себе судья, а дочь моя покорная рабыня. Дарю тебе обзаведение, на початок хозяйства, небольшое приданое; когда выплывешь из нашего озера, то скачи, без оглядки, прямо на Балкан, и не оглядывайся, поколе не будешь на Балкане, хотя бы за тобою небо треснуло и земля рассыпалась. Зятю должно довольствоваться тем, что от тестя получил; а преждевременное любопытство ему не идет».

Зая-Туляк подошел к коню, русалка подала ему стремя, он сел, взял ее на колена и помчался. Зеленая вода вскипела белым ключом под копытами доброго коня и, выбравшись на отлогий берег, пустился он стрелой к востоку на Балкан. Зая-Туляк слышал за собою ржание, топот и страшный шум и плеск в волнах — он невольно оглянулся и только успел увидеть, что из озера выплывает, следом за жеребцом его, целый табун от-

личных коней. Но за Туляком последовали те только лошади, которые были уже на берегу; все те, которые еще только было выплывали, потонули снова и исчезли в ту минуту, когда Зая-Туляк оглянулся. От этих-то лошадей, подарка ачулынского падишаха, произошла порода лучших димских башкирских коней. Ныне порода эта перевелась и переродилась; ныне лошади хотя корму и с трудом перемогаются зиму на тебеневке да на каизе, на рубленых древесных сучьях; древняя порода, которою славились димские башкиры, со времени Зая-Туляка, бывала сыта с одного гону, а корму не спрашивала.

Молодой князь с русалкою поселились на Карагаче, где князь нашел и покинутого коня своего, и жили они несколько времени спокойно. В одно утро русалка, окупавшись в озере и расчесав долгую косу свою, подымалась на гору, как услышала, со стороны Димы, глухой конский топот и увидела пыль. Чуткое сердце ее не обмануло; она прибежала в слезах к Зая-Туляку и сказала: «Отец твой шлет за тобою погоню!» Туляк думал было противиться силою, потом хотел бежать, но она умоляла его остаться, не противиться воле отцовской, следовать за посланными, не говорить никому о тайной любви своей и воротиться на Карагач, когда и как будет можно. «Бежать тебе некуда, — говорила она: — прошлого не воротить; на дне озера со мною уже по-прежнему жить не можешь — это миновалось, как сон!»

Самар-хан, услышав от воротившихся вельмож, что сын его бежал — о причине этого побега придворные благоразумно умолчали, — послал сорок тысяч войска искать сына по целому свету. Войско это приближалось теперь и уже открыло следы нового жилья молодого князя; Зая-Туляка взяли и повезли к отцу, а русалка, выждав на мысу большой Нра приближение посланных, кинулась с крутого берега и исчезла.

Когда до хана дошла весть, что сын его найден, то он, сомневаясь в любви его и приверженности, вздумал его испытать. Для этого Самар-хан посадил в кибитке своей одного из подданных в великолепной одежде на престол, а сам, в простом синем чапане, стал у дверей перед входом. Зая-Туляк, проходя мимо,

узнал отца, изумился, но вошел в кибитку, где, как говорили ему, восседал хан, поклонился мнимому властелину и сказал: «Как изменчивы времена! Прежний хан стоит у порога, а бывший раб сидит на престоле!» Самар-хан, разгневанный равнодушием и холодностью сына, велел на месте выколоть ему глаза и отвести сына на Карагач; но вещей дух русалки парил над несчастным своим любимцем: палачи Самар-хана не успели еще приступить к сыноубийству, как совершилось чудо: Зая-Туляк в горести своей закрыл лицо руками, и глазное яблоко выкатилось из обоих глаз целиком к нему в руки. «Бог отомстил за меня», — сказал Самар-хан. Палачам не надо было трудиться, и ослепленный сын царский был отвезен и брошен на произвол судьбы, на угор Карагача.

Верная русалка, разметав шелковую косу, которую не чесала со дня отбытия любимца своего, стерегла уже и ожидала друга: она коснулась устами очей Зая-Туляка,дохнула на них, и они снова ожили и заиграли по-прежнему в своих ямках.

Лишь только Зая-Туляк прозрел, как стал он снова скучать бездействием своим и одиночеством. «Пойдем жить на Балкан, — сказал он своей русалке: — С Балкана видно далече во все стороны: мы будем знать и видеть, где что делается, и это будет жилье, приличное ханскому наследнику! Карагач—гора для меня место низкое».

Русалка заплакала, только молчаливой лунной ночи поверила она одинокую грусть свою, вышла на тихое озеро, любовалась серебряным его отливом, села на берег, на крутой мыс, и тихо запела:

«Не лепите, пчелки, сот своих в диком бору: медведь придет и выдерет, а вам покинет дупло; не носите, русалочки, тихое блаженство свое в люди: люди попрут его ногами, а корысти им с него будет мало.

Оглядывается красное солнышко с заката на восход прошлый, да не воротится; не видеть вечерней заре зорюшки утренней! Оглядывайтесь, сестрицы, на свою зорюшку утреннюю — да не воротить вам ее, не любоваться ею в другожды!

А дважды василек в землю ложится: из земли вышел и в землю падет прах его. И ты не лучше василька небо-цветного: не выходить бы на свет — а вышла, так набедуяшься, поколе не приклонишь головку к лону родной матери!

Желна черная и белая лебедка в отлет летят, а теплынь придет, опять домой к родному гнезду тянутся; а мне, сиротке, от живого отца, мне во веку не видать струи твои, Ачулы-куль родимый, серебряный мой!

Прости, сказал мотылек родимому стебельку, родному зеленому лугу, когда пришла пора, что подул ветер полунощный, заволок заповедные луга сизым инеем, зазнобило мотыльку летки и щупальце: прости, говорит, свободнорожденная дочь Ачулы-куля родному озеру, Карагачу лесистому, Ташбуруну каменному, Трень-колу холмистому! прости, говорит она, родным берегам, колыбели-своей, Ачулы озеру!»

Так русалочка поплакала одна над родным озером своим, а Зая-Туляку она улыбалась. Они перекочевали на Балкан; но едва успели они там поселиться, как русалка, на рассвете, снова слышала чутким ухом своим топот конский, увидела отдаленную пыль. Она прибежала к князю своему и молвила: «О, Зая-Туляк! было время, когда я, слышав шум и топот, спешила схорониться в волнах Ачулы-куля и в объятиях верной стихии находила спасение; теперь ты щит и защита моя, и я надеюсь только на грудь твою! Но, Зая-Туляк, ты меня не спасешь на этот раз, а кроме тебя, у меня защиты нет! Слушай, князь мой! за тобою опять идут; повинуйся и иди, искушение чересчур велико, ты не устоишь, и я тебя держать не хочу! но, Зая-Туляк, помни последние слова мои: сорок дней и сорок ночей я буду сидеть здесь на Балкане и буду по тебе плакать; если ты не воротишься через 40 дней и 40 ночей, тогда ты найдешь меня, как находят алый цвет на зеленом лугу, по которому прошло войско отца твоего, Самар-хана, а растоптанный цветок не оживет — это помни!»

Вельможи и войско подошли с великими почестями к Зая-Туляку, объявили цветистою речью востока, что душа отца его,

хана Самар-хана, воспарила по пути, указанному душами отошедших, в рай небесный великих праотцов; народ и войско зовет Зая-Туляка на ханство.

Молодой князь хотел оглянуться на свою деву вод, но ее уже не было. Его посадили на покрытого богатою попоною жеребца и повезли на Диму, а восемь нукеров шли во всю дорогу пешком и вели поочередно жеребца его под уздцы.

Справив, по закону, богатую тризну по отце, Зая-Туляк принял старшин, посольство от народа, приглашавшего его на ханство. Народ и войско качали молодого хана своего на руках, и на руках же, подняв выше голов своих, возвели на ханство — таков был обычай. Шумная многотысячная толпа пировала и ликовала, стекшись с целого владения. Берега Димы не могли поместить на себе бесчисленного множества кибиток; земля стонала от топота конского и людского; солнце устало светить пирующим и ликующим гулякам. Настала ночь, и огромные костры запылали, и солнце взошло снова, и костры еще дымились, кумыс играл в огромных чашах, в сабах и турсуках, чибызга напевала веселье.

А Зая-Туляк, посидев на престоле, соскучился опять по любимице своей и тяжело вздохнул, когда, оглянувшись во все стороны, увидел, что в целом ханстве его нет подобной. «Ему наскучило быть и падишахом без нее, и он хотел уже отправить за нею послов, когда вспомнил, что заветный срок, сорок дней и сорок ночей, были уже на исходе. Он кинулся сам на лучшего скакуна своего, на котором вывез деву из Ачулы-куля, и поскакал один к одинокому Балкану.

Скоро бежит конь под Зая-Туляком; но какой конь обгонит солнце, и какой конь воротит его на сутки и добежит до озера вчера, коли поскакал сегодня? Зая-Туляк зовет отчаянным зовом деву свою, а она молчит, потому что мертвые не говорят. Не встанет алый цвет, не подымет он бархатной маковки своей, коли через луг пронеслось грозное войско Самар-хана. Зая-Туляк нашел русалку свою на том же месте, где ее покинул, на вершине Балкан-тау, но она лежала, как василек после покоса.

Зая-Туляк выкопал булатным копьём своим двуложную могилу на вершине Балкана и золотым шлемом своим выбирал из нее землю: положил он в могилу это белое тело девы Ачулы-куля, закололся тем же копьём и упал мертвый на верную свою подругу.

Народ и войско долго искали своего хана и засыпали его наконец землею в изрытой им же самим могиле. Братья Зая-Туляка резались за ханство, и все погибли: с тех пор народ утратил падишахов и ханов своих навсегда, растерялся и разбрелся по отрогам и долинам Урала.

Стало быть, Ачулы-куль и в те поры не даром взволновался и залил широко и далеко все берега: Самар-хан выколол родному сыну своему глаза, потом могучий хан скончался — а за ним погибли и Зая-Туляк, и бедная русалка, царевна Ачулы-куля, и брат поднял руку на брата, и целое царство рушилось.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
Оренбургские мотивы в творчестве В. И. Даля.....	9
Европа и Азия.....	17
Чудачество.....	24
О котях и о козле.....	28
Об очках.....	31
Из «Солдатских досугов».....	33
О Георгии храбром и о волке.....	39
Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке по прозванию Васильковый глазок, и о трёхстах тридцати трёх затяжных волокитах и поклонниках её.....	50
О Строевой дочери и о коровушке Бурёнушке.....	71
О воре и бурой корове.....	79
О баранах.....	87
Серенькая.....	92
Охота на волков.....	112

Обмиранье.....	128
Полуночник (<i>Уральское предание</i>).....	147
Уральский казак.....	158
Рассказ Верховлонцова о Пугачёве.....	175
Осколок льду.....	183
Башкирская русалка.....	192
Бикей и Мауляна.....	213
Майна.....	290
Гофманская капля.....	338
Примечания.....	403

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том1; 953000— книги, брошюры

В. И. Даль
Оренбургский край
в художественных произведениях
писателя

Редакторы — Л. П. Петрова, Е. В. Кадабцова
Компьютерный набор — В. Ю. Прокофьева, Н. Е. Чубенко
Верстка, макет и оформление — Ф. М. Абленин
Корректоры — Т. М. Бокова, И. В. Полкунова

В оформлении использованы
рисунки художников Н. Каразина, К. Клотта,
Г. Линка и политипажи И. Фёдорова

Лицензия №040862 от 16. 12. 97

Сдано в набор 15.07.2001 г. Подписано в печать 11.10.2001.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Bodoni. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ 253.

Оренбургское книжное издательство,
460000, г. Оренбург, ул. Бурзянцева, 25
Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

